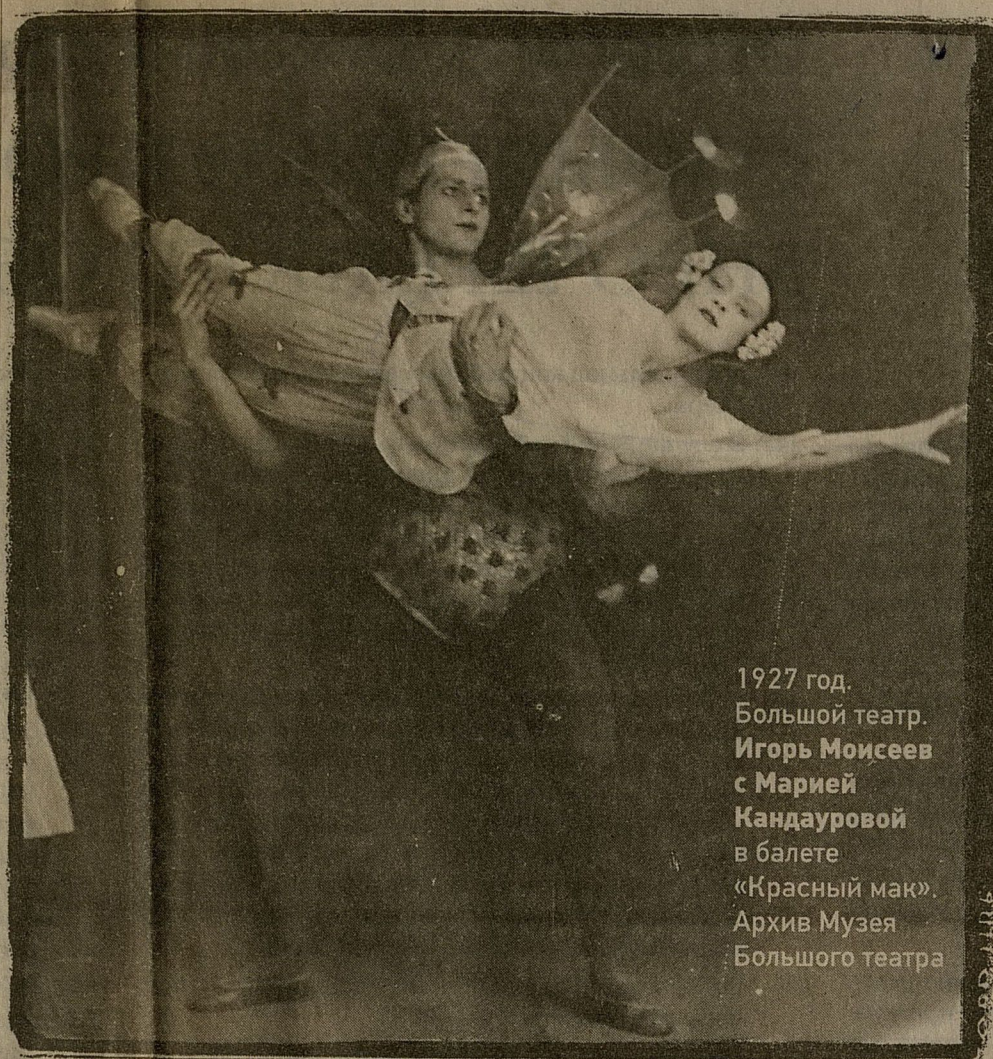

culture@izvestia.ru

1927 год.
Большой театр.
Игорь Моисеев
с Марией
Кандауровой
в балете
«Красный мак».
Архив Музея
Большого театра

Игорь Моисеев:

«Сто лет? Я их не чувствую!»

Известия - 2006 - 20 июля - с. 14

Завтра в Кремле состоится грандиозный гала-концерт, посвященный столетию Игоря Александровича Моисеева. Основатель, постановщик всех танцев и бессменный руководитель Государственного академического ансамбля народного танца Игорь Моисеев интервью давать не любит. К тому же накануне столетнего юбилея. Беспечно отмахиваясь от отечественных и иностранных журналистов, смеется: «Идите на концерт — там все мои ответы!» Только для «Известий» легендарный хореограф XX века сделал исключение — дал эксклюзивное интервью обозревателю Лидии Шампиной.

ИЗВЕСТИЯ: Ваша супруга, с которой вы знакомы с 1941 года, сказала мне, что вчера вы спросили с удивлением: «Ира, неужели мне сто лет? Я их не чувствую!». И пошутили: «Ира, а сколько же тогда тебе?» На что она ответила: «Не скажу!»

Игорь Моисеев: Ирина Алексеевна — удивительный человек. Когда она пришла в ансамбль, с ней по улице пройти было нельзя: не было никого, кто бы не обернулся вслед, — такая она была красавица. Но у меня тогда к ней не было никакого мужского чувства: я был женат, она вскоре вышла замуж. Жизнь долго нас разлучала, мы поженились, когда мне было семьдесят лет. Это абсолютно непогрешимый человек, с ней я забыл, что когда-то в моей жизни были другие женщины. Легкая, смешливая, очаровательная, она всегда найдет нужную интонацию, моментально снимет напряжение так, будто его и не было. Кстати, за всю нашу с ней жизнь его и не было — настолько у нее развито чувство деликатности, такта.

ИЗВЕСТИЯ: Вы что, ни разу не поссорились?

Моисеев: А зачем? Надо быть дураком или упрямцем, чтобы идти ей наперекор. Мы уступаем друг другу, не обсуждая мотивов. Я слишком ценю тепло и уют в нашем доме, чтобы разрушать его. Без Иры я просто не смог бы жить.

«Восемнадцать раз мне предлагали вступить в партию»

ИЗВЕСТИЯ: Кто из ваших родителей оказал на вас наибольшее влияние?

Моисеев: В детстве, как всякий мальчишка, я больше тянулся к отцу. Он был очень увлекающимся человеком: окончил философский факультет в Гейдельбергском университете, буквально жил идеями социализма, был этаким тургеневским Рудиньим. Но мать, полуфранцузенка-полурумынка Анна Александровна Грэн, оказалась мне ближе. Одно время мы жили в Полтаве.

И она там открыла свою мастерскую. Не прошло и недели, как из Киева стали приезжать к ней с заказами. Потому что узнали, что из Парижа приехала великопепная модистка. Она была гениальной портнихой: все было в ее власти, она могла спать все что угодно — и шляпку, и мужские брюки. И все — талантливо, искусно, изящно. И я очень быстро понял, что мать — по-настоящему талантливый человек. Именно от нее я унаследовал некоторую творческую жилку. Например, как она выучила русский язык — через полгода после приезда уже говорила по-русски великолепно. А с французского на русский перейти не так-то просто. Так ей все всегда легко удавалось.

ИЗВЕСТИЯ: Она посоветовала идти в танцы?

Моисеев: Нет, отец. Видимо, настрадавшись от преследований в советское время, он сказал: «Выбери профессию, которая охраняла бы тебя от социальных катаклизмов. В любом случае грация и выносливость тебе

Начало XX века. Мать Игоря Моисеева — модистка Анна Грэн. Фото из семейного архива. Публикуется впервые

не помешают». Так я попал в школу Большого театра, затем в труппу, стал солистом, балетмейстером и понял: я в своей стихии.

ИЗВЕСТИЯ: Тем не менее вы недолго задержались в Большом театре. Не жалеете о блестящей карьере в первом театре страны?

Моисеев: Нисколько. Там слишком большая зависимость от обстоятельств, далеких от искусства, — политика, начальство. В ансамбле я сам себе хозяин, ни от кого никогда не зависел.

ИЗВЕСТИЯ: А как же партия? Руководитель выездного, известного в мире ансамбля — и беспартийный? Как вам это удавалось?

Моисеев: Восемнадцать раз мне предлагали вступить в партию. Я честно говорил, что верю в Бога, что не готов политически. За это мне делали выговоры, замечания, даже кулаками стучали: «Как можно держать такой ансамбль и не быть партийным?» Я отвечал: «А если я буду партийным, я от партийности хорошо буду ставить?» В конце концов они от меня отстали: «Хоть он и беспартийный, но полезнее любого партийца». Потому что, если надо было разрядить международную ситуацию, посылали не дипломатов, а ансамбль — и мои артисты делали с публикой что хотели. Так было в Финляндии в 1945 году, в послевоенной Европе в 1946 году, во Франции в 1955 году, когда мы, первые из советских коллективов, буквально сорвали «железный занавес» между СССР и Европой, а потом в США в 1958 году именно мы растопили лед «холодной войны».

«Ни одну из своих танцовщиц я ни разу не пустил на ночные застолья на кремлевских дачах»

ИЗВЕСТИЯ: Задумывались ли вы, для чего живете?

Моисеев: Я всегда хотел создавать вещи, которые меня художественно удовлетворяют. Так бы я сказал.

ИЗВЕСТИЯ: Чаще всего в репетиционном зале звучит ваше хлесткое, как хлыст: «Plie!» Артисты от него буквально стонут. Зачем вам это нужно?

Моисеев: Прием plie (низкое приседание для прыжка. — «Известия») — это пружина, а значит, энергия. Без plie не может быть ни движения, ни толчка для прыжка — какой тогда танец? На сцене plie дает движению необходимую широту, какой нет в народных танцах. Собственно, это основа нашей школы танца. Вы говорите трудно? Так я никого не держу. У нас вообще все танцевать неудобно — слишком много сил надо тратить.

ИЗВЕСТИЯ: Глядя на танцовщиц вашей первой труппы, этого не скажешь — красавицы как на подбор, нисколько не изможденные репетициями.

Моисеев: Мои первые девчата и правда были красотками — таких сейчас нет. Вы даже не представляете, сколько раз Поскребышев, секретарь Сталина, грозил мне кулаком после концертов в Кремле за то, что ни одну ни разу я не пустил на их ночные застолья на кремлевских дачах. Но главное — они сил не жалели, чтобы создать традиции, которые питают ансамбль до сих пор.

ИЗВЕСТИЯ: Про дисциплину все понятно: класс, репетиции каждый день. Но правда, что вы запрещали своим танцовщицам курить и краситься?

Моисеев: Если это было чересчур. Сущность женщины — в женственности. Я до сих пор это ценю. Недавно я был в санатории, и мне прислали даму — инструктора для занятий лечебной физкультурой. Неуклюжая, толстая — чем бы она смогла меня увлечь? Я отказался. А потом пришла мадам с балеринской осанкой — вот с ней я занимался с удовольствием.

ИЗВЕСТИЯ: Ваши артисты говорят, что вам все равно, во что вы одеты. Это правда?

Моисеев: Мое главное желание в жизни — работать, а не наряжаться. Я скромный и не ем скромного — считайте, что я для вас так пошутил.

ИЗВЕСТИЯ: Кто для вас лучше — артистка красивая или талантливая?

Моисеев: Артистку красивую научить танцевать легче, чем крокодила сделать красоткой. Некрасивых и неспособных я не брал никогда, но и красивых бездарностей — тоже. Красота — дело хорошее, но сначала изволь стать хорошей танцовщицей.

«Дыхательную гимнастику делаю до сих пор»

ИЗВЕСТИЯ: Говорят, вы страшно злитесь, когда кого-то из ваших артистов называют солистами ансамбля. Это правда?

Моисеев: Я выпонно люблю, кто возомнит себя солистом. С 10 февраля 1937 года, когда состоялась первая репетиция ансамбля, и до сих пор у нас действует принцип: «Все учат всё». Если артист солирует в одном номере, в следующем он абсолютный кордебалет. Так построены наши программы.

ИЗВЕСТИЯ: А я как-то читала, что вы своих артистов называете «дрессированными кроликами»? Почему?

Моисеев: Видите ли, очень трудно извлечь из них талантливое нутро. То ли ленивы, то ли не понимают, зачем пришли в ансамбль. Поэтому легче самому показать и крикнуть: «Делайте, что вам говорят!»

ИЗВЕСТИЯ: Вы до сих пор упражняетесь?

Моисеев: Ну, станок классический не делаю давно — лет тридцать. А вот дыхательную гимнастику — до сих пор. Видите ли, я изучил много методик и создал собственную — очень помогает. Если вы о здоровье, то я много лет не ем мяса, иногда могу позволить себе немного красного сухого вина, хотя предпочитаю чай с молоком, еду люблю простую, но вкусно приготовленную. Я не аскет и вкус жизни до сих пор чувствую отлично.

ИЗВЕСТИЯ: Вы много раз говорили, что премьера своему делу не видите. Что будет с ансамблем дальше?

Моисеев: Видите ли, нужна личность — тогда жанр сможет развиваться. Кроме энергии, нужен талант. И понимание того, куда идти и какими путями. Второй Моисеев вряд ли сможет родиться. Поэтому сейчас надо просто продолжать то, что уже сделано.

ИЗВЕСТИЯ: Почему ваш ансамбль так успешен почти семьдесят лет?

Моисеев: Бывают неудачники — как ни повернешь, все не так получается. А есть удачники — как ни повернешь, все хорошо. Мне на этот счет всегда везло. Возможно, еще и потому, что я с юности усвоил одну вещь: никогда нельзя собой восхищаться. Чуть успокоился — все, пропало. Творчество вообще вещь весьма утомительная, все в тебе крутится круглые сутки. И совесть покоя не дает, и досада: понимаешь, что нужно сделать, а оно никак не дается. Да еще каждый день приходится преодолевать лень артистов, а то и откровенную бездарность.

ИЗВЕСТИЯ: Говорят, артисты считают вас человеком жестким, даже жестоким. Что вы сами об этом думаете?

Моисеев: Если бы я был добреньким, никакого ансамбля у нас не было бы. Никогда я жестоким не был. Строгий — да. Это совершенно другое. Строгий — это значит, я спрашиваю и с себя, и с них. И сколько надо, столько и спрашиваю.

ИЗВЕСТИЯ: Вы в судьбу верите?

Моисеев: При чем тут судьба? Я в качество верю.

ИЗВЕСТИЯ: Директор вашего ансамбля Елена Щербакова, ваша бывшая артистка, волнуется за завтрашний гала-концерт: как пройдет, не будет ли накладок, как вы будете себя чувствовать? Вы сами-то волнуетесь?

Моисеев: Нисколько. Разве это последний мой юбилей?